

Статья по специальности
UDC 821.161.1:821.163.41

**«РУССКИЙ СЛЕД» В ИСТОРИИ СЕРБСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И КРИТИКИ 20–30-Х ГГ. XX ВЕКА
(К ВОПРОСУ О РОЛИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ СЕРБИИ)**

Алла Г. Шешкен

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

The paper deals with the life of the Russian diaspora in Yugoslavia in 20-30th XX century and with the influence of the Russian emigration on a cultural life of Serbia.

В истории русско-сербских литературных связей, несмотря на пристальный интерес к этой проблематике на протяжении нескольких десятилетий, все еще остается немало неизученных страниц. В последние годы особое внимание ученых привлекает жизнь и деятельность многочисленной русской диаспоры в Югославии (Вагапова, 2008; Маричевич, 2008 и др.). Столица Королевства Белград в 20–30-е гг. XX в. была одним из важных центров зарубежной русской культуры, наряду с «русском Парижем», «русским Берлином» и «русской Прагой».

Понятие «русский Белград» – достаточно условное (как и другие в этом ряду¹) и не претендует на то, чтобы стать терминологическим определением. Нам важно подчеркнуть, что в Белграде в период между двумя мировыми войнами была сконцентрирована культурная жизнь русских беженцев, которых по разным оценкам прибыло в Югославию от 40000 до 70000, из них до 75 % – люди с высшим и средним образованием² (Сибиновић, 1994: 6). В 1921 г. в Сремских

¹ Правильнее будет говорить о культурной активности русских беженцев на территории Франции, Германии, Чехословакии, Югославии. Концентрация русских в столицах государств, расположение многочисленных общественных организаций по делам беженцев и пр. причины создавали особую атмосферу «русскости».

² Югославия, прежде всего Сербия, привлекали русских эмигрантов по целому ряду причин. Королевство разрешило присутствие на своей

Карловцах была основана Русская Заграничная православная церковь. В Белграде уже осенью 1920 г. стала работать Первая русско-сербская гимназия и открылась Русская народная библиотека³. Столица Королевства стала главным в Югославии русским издательским центром. Здесь располагались издательства, типографии, выходили многочисленные газеты и журналы (например, газета «Новое время» и журнал «Русский архив»⁴). Как важный центр зарубежной русской культуры Белград в 1928 г. стал местом проведения Первого (и единственного) съезда русских писателей и журналистов за границей, в котором участвовали известные русские писатели и культурные деятели А. Куприн, В. Немирович-Данченко, Б. Зайцев, З. Гиппиус, А. Мережковский.

Национальные опера и балет были фактически созданы русскими артистами, постановщиками и педагогами. Русские архитекторы преобразили центр Белграда, где до сих пор можно увидеть их творения. В Сербской Академии Наук состояли действительными членами десять русских ученых с мировым именем. В Белградском университете трудились выдающиеся русские ученые и педагоги, в частности, отец известного литературоведа К.Ф. Тарановского, авторитетная в области истории права личность – Ф.В. Тарановский.

Эмиграция придавала исключительное значение сохранению и популяризации родной культуры, считая эту работу своей особой миссией. Благодаря усилиям русских учителей, издателей, переводчиков, ученых, театральных деятелей – русской культурной среды в целом – представление о русской литературе, традиционно

территории регулярных частей русской армии во главе с Врангелем. Русские свидетельства и дипломы об образовании, полученные до февраля 1917 г., на территории Королевства были действительны и позволяли надеяться на трудоустройство. Больше всего русских изгнанников осело в православной Сербии.

³ Автор первой в Югославии монографии о литературной активности русских эмигрантов сербский ученый О. Джурич пишет, что в конце 1920-х гг. белградская русская колония располагала «приблизительно таким же количеством книг, что и Народная библиотека Белграда» (Ђурић, 1990: 37).

⁴ Неполный перечень русской периодики, выходившей на территории Королевства, содержит около 150 наименований. Большинство газет и журналов печаталось в Белграде. Это не в последнюю очередь связано с тем, что сербы пользуются кириллическим алфавитом, что облегчало сам процесс печатания книги. Значение Белграда как русского издательского центра на протяжении 20-х гг. росло, а в 30-е гг. он превратился в одно из основных мест издания русской книги за рубежом.

пользовавшейся любовью читателей во всех уголках Королевства, приобрело более глубокий и систематизированный характер.

История компаративистики как научного направления в Сербии показывает, что она имеет не только национальные, но и европейские, в том числе русские, корни, опирается на опыт русской науки, где еще в XIX в. сравнительно-историческое направление выделилось в одну из крупнейших национальных академических школ. Во всяком случае, это с большой определенностью можно утверждать в отношении литературоведческой русистики, которая в силу специфики предмета исследования должна была учитывать достижения русской научной мысли. Развитию сербской литературоведческой русистики во многом способствовали русские эмигранты.

Югославыне имеют давние и прочные связи с русским народом, русской культурой. Закономерно поэтому обращение ученых-эмигрантов к богатому и тогда еще мало изученному материалу истории культурных и литературных контактов между Россией и этими народами. В последней четверти XIX в. славистика как особое направление российской филологии достигла значительных успехов, особое внимание слависты уделяли исследованию культуры и литературы южных славян и их взаимосвязей с русской культурой. Достаточно в связи с этим упомянуть труды А.И. Соболевского, А.И. Яцымирского, М.Н. Сперанского (Беляева, 1979).

Прибывшие в Югославию с первым эмигрантским потоком преподаватели и ученые, воспитанные в традициях русского академического литературоведения, подошли к их исследованию, опираясь на опыт культурно-исторической и сравнительно-исторической школ. Достижения передовой русской науки в этой области оказали плодотворное воздействие на национальную русистику, потому что литературоведение Югославии продвигалось в том же направлении. Интерес к сравнительно-исторической проблематике проявлял на рубеже XIX–XX вв. выдающийся сербский критик Йован Скерлич. Плодотворно сотрудничали в этой области известный славист, много лет проработавший в России, В. Ягич, хорват по национальности; хорватский профессор М. Шрепель и крупнейший словенский ученый И. Приятель.

Русские ученые-эмигранты уделили первоочередное внимание систематизации богатого фактического материала русско-югославянских культурных и литературных контактов. Начинают изучаться обширные фонды национальных библиотек, хранившие многочисленные свидетельства возрастающего вместе с распространением у сербов идеи национального Возрождения и

восстановления государственности интереса к русской культуре. Кроме того, в XIX в. среди югославянских народов пользовалась особой популярностью идея славянской взаимности.

Одним из подвижников, начавших систематическое изучение русско-сербских литературных взаимосвязей, был Александр Львович Погодин (1872–1947), преподававший с 1920 г. в Белградском университете русскую литературу. Его имя занимает достойное место среди таких выдающихся русских славистов, как П.А. Лавров, Г.А. Ильинский, Р.Ф. Брандт. Выпускник Петербургского университета (1892), А.Л. Погодин до революции и в первые послереволюционные годы работал в Харьковском университете, где сравнительному изучению славянских языков и литератур уделялось большое внимание. Перед Первой мировой войной отдельным изданием были выпущены его «Лекции по истории сербской и болгарской литературы» (1914) и ряд статей по вопросам становления и развития реализма в сербской литературе.

Опыт, приобретенный в России, ученый реализовал в полной мере в своих многочисленных исследованиях, опубликованных в трудах Русского научного института в Белграде, в русской зарубежной и сербской периодике межвоенного периода. Отдельным изданием на сербскохорватском языке вышло его эссе «Лермонтов у сербов» (1938). Ему принадлежит одно из первых в Югославии учебных пособий по русской литературе (История русской литературы, 1927). Самым значительным вкладом А.Л. Погодина в славистику, русистику и компаративистику стала двухтомная «Русско-сербская библиография» (1932; 1936), положившая основу систематическому изучению русско-сербских литературных контактов. Первый том этого труда содержит сведения о переводах с русского, опубликованных более чем за сто лет (с 1800 по 1925 г.) отдельным изданием или в общественно-литературных журналах. Второй – данные за этот же период по газетам и альманахам.

Другим русским ученым, плодотворно работавшим в области компаративистики, был выпускник Московского университета им. М.В. Ломоносова Петр Алексеевич Митропан (1891–1988), преподававший русскую словесность в средних и высших учебных заведениях Югославии с 1920 по 1962 гг., переводчик, автор квалифицированных комментариев к многочисленным изданиям русских авторов. Ему принадлежит сборник, содержащий статьи о А. Пушкине, И. Тургеневе, Л. Толстом, Ф. Достоевском, А. Чехове, А. Блоке. Из богатого научного наследия ученого выделяется монография «Пушкин у сербов» (1937) – одна из первых в Сербии

фундаментальных работ, освещающих интенсивные взаимосвязи сербской и русской литератур в XIX–XX столетиях.

Любопытно, что при изучении взаимодействия литератур П.А. Митропан, как и другие русские исследователи того времени, шел не от сербской литературы, переживавшей в XIX в. процесс своего Возрождения и активно, но избирательно впитывающей опыт зарубежного искусства слова, а от русской, мощный творческий импульс которой ощущается в произведениях многих сербских писателей. Для русских исследователей естественно было начать систематическое детальное изучение литературных контактов двух славянских народов именно с Пушкина – первого национального поэта России и символа неповторимой русской культуры.

Перевод пушкинской лирики обогатил национальную сербскую поэзию новыми выразительными средствами (В. Илич и др.). Что касается прозы и драматургии, то гораздо большее воздействие на сербскую, хорватскую и словенскую литературы оказал художественный опыт Гоголя, Тургенева и Достоевского. Этот факт констатируется всеми исследователями русско-югославянских литературных контактов XIX в. (Кравцов, 1973, и др.).

По-настоящему открыли для югославян гений русского поэта, помогли понять его место в русской и мировой литературе русские эмигранты – ученые, педагоги, издатели, для которых имя Пушкина было синонимом России. Возрастанию всестороннего интереса к Пушкину способствовало празднование в Югославии, начиная с 1925 г. (как и везде в зарубежье), «Дней русской культуры», приуроченное ко дню рождения поэта. В этой культурной манифестации широко участвовали деятели культуры, науки и образования, творческая интеллигенция. Так, непременным участником всех акций русских эмигрантов в Белграде был президент Сербской АН известный славист Александр Белич – председатель Комиссии по делам русских беженцев. «Дни памяти А.С. Пушкина», посвященные 100-летию гибели поэта (1937), объединили русскую и югославскую интеллигенцию и превратились в Югославии в событие национального масштаба. Его широко освещала пресса. Для организации памятных дней был создан комитет, получивший всестороннюю государственную поддержку. Была издана массовым тиражом, и с одобрения министерства Народного просвещения раздавалась в школах специальная брошюра «Александр Пушкин» проф. В.А. Розова (1876–1940). Сербский переводчик русской поэзии Милорад Пешич опубликовал очерк о жизни и творчестве поэта (1937). Известная писательница Исидора Секулич написала эссе о

Пушкине, которое было издано вместе со статьей П.А. Митропана «Интерес Пушкина к сербскому народу» и переводом «пушкинских речей» И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского и В.О. Ключевского. Со статьями и исследованиями произведений русского поэта выступили филологи, историки, переводчики, писатели.

Замечательным явлением культурной жизни Югославии и русского зарубежья, стало издание «Белградского Пушкинского сборника» (1937). Его публикация осуществлялась при поддержке Председателя правительства Югославии Милана Стоядиновича и президента Сербской АН А. Белича. Этот сборник объединил лучших представителей русской науки, живших в разных странах и представляющих разные научные школы. Филологи, историки, философы объединились, чтобы постичь гений поэта, *«сберегшего наперекор превратностям судьбы гармоническое чувство общечеловеческого и общерусского»*, подчеркнул во вступительной статье А. Белич (Белградский Пушкинский сборник, 1937: с. 4.). Среди авторов «Белградского Пушкинского сборника» – выдающийся философ С.Л. Франк, философ и историк И.И. Лапшин, филолог П.А. Бицилли, писатель В. Ходасевич, жившие и работавшие тогда в Белграде молодые ученые, звезда которых возшла после Второй мировой войны, К.Ф. Тарановский и И.Н. Голенищев–Кутузов. Вскоре после выхода сборника скончался его редактор и автор статьи «Пушкин и театр» Евгений Васильевич Аничков (1866–1937), бывший профессор Петербургского университета, ученый с мировым именем, трудившийся в филиале Белградского университета в г. Скопье.

Первый раздел сборника посвящен теме «Пушкин и югославы». В нем представлено историко-биографическое исследование А.В. Соловьева о контактах А.С. Пушкина с сербами во время южной ссылки («Югославянские темы в произведениях Пушкина»). Статьи о восприятии творчества русского поэта в сербской, хорватской и словенской литературах существенно дополнили и расширили представления об этой проблематике, содержащиеся в первом в России и у славян обширном труде, опубликованном под редакцией В. Ягича к 100-летию рождения поэта «Пушкин в южнославянских литературах» (1901).

В «Белградском Пушкинском сборнике» вводится неизвестный ранее науке фактический материал и ставятся вопросы о возможном воздействии художественного опыта поэта на развитие югославянских литератур. П.А. Митропан проанализировал «Ранние отзывы о Пушкине в сербской печати (30–40-е гг.)», особо подчеркнув, что сразу после публикации поэмы «Руслан и Людмила», принесшей поэту

признание в России, его имя попадает в поле зрения сербских литературных журналов. В процессе проникновения сведений о Пушкине в сербскую среду ученые выделяют роль старейшего сербского журнала «Сербска летопис». Его редактор Г. Магарашевич ставил своей целью знакомить читателей с культурой всех славянских народов. Уже в конце 30-х гг. XIX в. Пушкин воспринимается в Сербии как величайший русский поэт, по своему дарованию равный Шекспиру. Это, однако, не повлекло за собой стремление ему подражать, подчеркивают В. Прокофьев и Д. Атряскин – авторы статьи «К вопросу об отношении сербских поэтов XIX века к Пушкину». В 60-е гг. XIX в. интерес вызывала романтическая поэзия Пушкина, который воспринимался как поэт, по духу близкий Байрону. Следующее десятилетие в сербской литературе проходит под «знаком» Гоголя, а в 80-е гг. у Пушкина ищут поддержку литераторы, отстаивающие «чистое искусство» в полемике с ширившимся влиянием идей революционно-демократической критики. Под творческим обаянием Пушкина находился яркий поэт Воислав Илич, известный и как переводчик романа в стихах «Евгений Онегин».

К. Римарич-Вольнский («Пушкин в хорватской литературе») подробно осветил историю переводов русского поэта в Хорватии и отношение к нему хорватских писателей и культурных деятелей. З.Н. Преображенский («Пушкин у словенцев») отметил типологическое сходство творчества А. Пушкина и Ф. Прешерна, поэтов, которые многое почерпнули у Байрона, но, как полагает исследователь, не знали друг о друге, хотя в истории родной литературы сыграли похожую роль.

Один из основателей Пражского лингвистического кружка Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938) поместил в белградском сборнике статью «К вопросу о стихе «Песен западных славян» Пушкина». С позиций структурной лингвистики ученый проанализировал природу их стихотворного размера и попытался ответить на вопрос, почему именно этот размер был выбран поэтом для передачи на русском языке сербской эпической народной поэзии. Н.С. Трубецкой опирается на разграничение понятий «язык» и «речь», принятое в структурной лингвистике, и как следствие – на разграничение «стихосложения и стихопроизнесения»: «*Первое – есть факт языка, а второе – факт речи*» (Белградский Пушкинский сборник, 1937: 32.). Метр состоит только из элементов языка. Пушкин для перевода сербской поэзии (известно, что кроме переводов из сборника Мери́ме «Гю́зла» три песни переведены из сборника В.С. Караджича) создал особый размер, получивший в критике

название «стиха Песен западных славян». Это наиболее «вольный» из стихотворных размеров тогдашней русской поэзии. Поэтому Н.С. Трубецкой считает, что Пушкин, следуя за Востоковым и Сумароковым, которые до него переводили сербскую народную поэзию средствами русской народной поэзии, мог увлечься и «чисто технической проблемой», пробуя свои возможности в свободных метрах. Он создал стих «вольный», избежал ритмической инерции и добился при этом более поэтичного звучания, чем его предшественники.

Статья Н.С. Трубецкого демонстрирует новые возможности изучения межлитературных взаимоотношений, которые современная компаративистика в должной мере не учитывает. Вопрос о стихотворном размере неизменно возникает, когда речь идет о поэтическом переводе и оценке степени его сходства с мелодией стиха оригинала. Структурный подход дает возможность глубже осветить эту проблему, в частности, объяснить преимущественное внимание переводчиков к тем или иным лирическим произведениям. Например, известен интерес югославянских переводчиков к пушкинской «Сказке о рыбаке и рыбке». Это было первое произведение поэта, переведенное на словенский язык в середине XIX в. и почти век спустя на литературный македонский язык. К нему неоднократно обращались сербские и хорватские переводчики, причем на ранней стадии перевода пушкинской лирики. Возникает закономерный вопрос, почему же из всех сказок Пушкина именно эта так нравилась югославянским переводчикам? Возможно, причина в стихотворном размере, которым она написана, том самом «стихе Песен западных славян», которым поэт пользовался очень редко. Естественно предположить, что переводчиков привлекло произведение, легко ложившееся на размер эпической поэзии южных славян – десяти и восьмисложник.

Работы русских ученых в области сравнительного литературоведения, написанные в 20–30-е гг. оставили глубокий след в литературоведении Сербии и Югославии в целом. Так, библиография А.Л. Погодина почти полвека оставалась единственным подобного рода изданием. Лишь в 1979 г. «Матица Сербская» опубликовала «Русско-сербскую литературную библиографию 1918–1941» (Нови Сад). Работы П.А. Митропана и других русских ученых до настоящего времени не утратили своей научной ценности и способствовали развитию компаративистики в югославском литературоведении.

Русская эмиграция была не только носителем и хранительницей богатейшей культурной и научной традиции, но и

сама обладала значительным творческим потенциалом. И хотя Белград как постоянное место жительства не привлекал писателей старшего поколения, ставших известными до революции, тем не менее, здесь развивалась интересная и плодотворная литературная жизнь. В 1925 г. был основан «Союз русских писателей и журналистов в Югославии»⁵.

Литература «русского Белграда» примечательна тем, что она создавалась молодежью, возмужавшей вне России, творческая индивидуальность которой пробудилась и развивалась вдали от родины, вне стихии родного языка.

Центрами, организующими русскую литературную жизнь Сербии, были литературные кружки, объединяющие поэтическую молодежь⁶. Рождение русского «белградского поэтического круга» происходит в начале 20-х г. и связано с образованием в университетской среде поэтического объединения «Гамаюн» (1923) и последующим изданием сборника стихотворений «Гамаюн – птица вещая»⁷ (1924). Членами кружка и авторами сборника были: И. Голенищев-Кутузов, Ю. Софиев, А. Дураков, Г. Елалич, А. Фон Миран, Ю. Вереницын и др. Затем во второй половине 20-х гг. формируется «Книжный кружок», которым длительное время руководил его фактический организатор и вдохновитель Е. Кискевич⁸. Свой литературный кружок был практически в каждом русском учебном заведении (гимназии, кадетском корпусе).

По масштабу поэтического дарования, творческой активности и умению объединить вокруг себя талантливых людей выделялся И.Н. Голенищев-Кутузов. По его инициативе было организовано самое представительное в Югославии русское поэтическое объединение «Литературная среда» (1934). Его членами были не только поэты

⁵ «Союз» насчитывал около 200 членов, среди которых преобладали журналисты, публицисты и театральные деятели. Учредителями выступили режиссер А. Ракитин, С. Страхов, А. Ксюнин. Председателем был избран П.Б. Струве. «Союз» принял под духовное покровительство король Югославии Александр I Карагеоргиевич.

⁶ Из прозаиков молодого поколения в Белграде жил автор малой прозы Михаил Иванников. Рассказы писала и Е. Таубер.

⁷ Правительство Югославии поощряло стремление русской молодежи к высшему образованию. В межвоенные годы русские студенты составляли абсолютное большинство среди иностранных студентов Белградского университета, среди студентов которого были И. Голенищев-Кутузов, К. Тарановский и др.

⁸ Членами «Книжного кружка» также были Е. Таубер, Г. Наленч (наст. имя Г. Сахновский), И. Кондратович, Л. Кремлев, Вс. Григорович, Л. Машковский, А. Костюк, К. Кочаровский и др.

(Е. Таубер, Е. Кискевич), но и режиссеры (Ю.Л. Ракитин), драматурги, литературные критики (Ю.В. Офросимов, В.В. Хомницкий) и исследователи литературы (К.Ф. Тарановский)⁹.

Молодые русские стихотворцы проявляли немалый интерес к переводческой деятельности. И.Н. Голенищев-Кутузов переводил на русский язык сербский эпос. Вместе с Е. Таубер и А. Дураковым он составил и перевел «Антологию новой югославянской лирики» (1933), в которую включены наиболее значительные представители эпохи модерна – поэты-символисты Й. Дучич, М. Ракич, А. Уевич, И. Войнович, О. Жупанчич. Авторы и произведения подбирались, исходя из убеждения, что «перевод есть повторное творчество, требующее полного слияния чужого со своим».

Белградские русские много сделали для того, чтобы представления сербского читателя о русской литературе приобрели более глубокий и системный характер. Они выступали с комментариями, были авторами предисловий огромного количества изданных в межвоенный период в Югославии произведений русской литературы. Е. Таубер, К. Тарановский, И. Голенищев-Кутузов широко сотрудничали в литературно-художественных журналах, которые выходили на сербскохорватском языке («Српски књижевни гласник», «Летопис Матице Српске». «Нова Европа» и др.). Одним словом, они были активными участниками культурной жизни Королевства Югославии и сыграли важную роль посредников между русской культурой и культурой югославян. Белградские русские немало сделали для популяризации в Югославии русской поэзии, в том числе особо почитаемого ими А. Блока.

Особую роль в популяризации в Югославии творчества А. Блока сыграл журнал «Медуза», хотя это издание и оказалось недолговечным. По замыслу редактора Д. Кобякова, его «двухнедельный литературно-художественный журнал», который начал выходить в июле 1923 г., должен был объединить русских и сербских художников слова, в целях радикальной переоценки художественных ценностей. Д. Кобяков¹⁰, который сам увлекался поэзией и писал стихи, привлекает к сотрудничеству поклонников

⁹ «Среды», как правило, были многолюдны и проходили при участии М.А. Погодина, Е.В. Аничкова, Р.В. Плетнева, А. Дуракова, Л. Алексеевой-Девель и др.

¹⁰ Дмитрий Кобяков начал писать стихи еще в России. Вскоре уехал во Францию (что стало одной из причин прекращения издания журнала), где во второй половине 1920-х гг. вышло несколько сборников его поэзии: «Керамика», 1925; «Вешняк», 1926; «Горечь», 1927. (Джурич, 1990: 86–87).

русской литературы сербского поэта С. Винавера и хорватского литератора Г. Крклеца. В первом номере журнала С. Винавер, свидетель и участник революционных событий в России, опубликовал первый в Сербии перевод поэмы А. Блока «Двенадцать». Переводу С. Винавер предпослал введение с вдохновенным комментарием первой поэмы об Октябрьской революции. Переводчица М. Ораовац поместила перевод статьи Алексея Толстого «Павший ангел», посвященной А. Блоку.

С. Винаверу был близок взгляд русского поэта на литературу. Выступив переводчиком повести Н.В. Гоголя «Вий», он в качестве предисловия использует статью А. Блока о жизни и творчестве классика XIX в. В дальнейшем сербский поэт в своих литературно-критических статьях неоднократно обращался к анализу творчества русского литератора. Он писал о Блоке в эссе, посвященном русскому символизму, «Голубое небо над утопией» (1938) и в известной своей работе «Дом ни на небе, ни на земле» (1938).

К. Тарановский в антологию «Из русской лирики» (1927), включил переводы шедевров русской лирики XIX–XX в. – стихотворений А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева, А. Фета, А. Блока, З. Гиппиус, Д. Мережковского, Вяч. Иванова, С. Есенина, А. Ахматовой и др. К. Тарановский – единственный из русских эмигрантов, кто переводил не только с сербского на русский, но и с русского на сербский язык.

Самобытная эмигрантская среда в Югославии просуществовала сравнительно недолго – два десятилетия, но она оставила глубокий след в культуре этой страны.

Литература

- Антология новой югославской лирики. 1933. Белград. Стр. 5.
Белградский Пушкинский сборник. 1937. Белград. Стр. 4-37.
Беляева. Ю. Д. 1979. Литературы народов Югославии в России. Восприятие, изучение, оценка (посл. четверть XIX – начало XX вв.). Москва.
Вагапова. Н. М. 2008. Русская режиссура в Западной и Центральной Европе и на Балканах: Массалитинов, Ракитин, Шаров. в Художественная культура русского зарубежья 1917–1939. Москва. Стр. 314–348.
Кравцов. Н. И. 1973. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в славянских литературах. в Проблемы сравнительного изучения славянских литератур. Москва. Стр. 196–259.
Маричевич. С. 2008. Творчество С.Ф. Колесникова в контексте художественной культуры русской эмиграции в Югославии в период между двумя мировыми войнами. Реф. дис. канд. искусствовед. Москва.

Ђурић. О. 1990. Руска литерарна Србија 1920–1941. Писци, кружоци и издања. Горњи Милановац – Београд. С. 37.

Митропан. П. 1934. Песнички романи в Руски писци. Скице из живота и делатности. Скопје. С. 145–160.

Погодин. А. Л. 1932, 1936. Руско-српска библиографија. 1800-1925. Београд. Т.1, 2.

Сибиновић. М. 1994. Руска емиграција у српској култури XX века (значај, оквири и перспективе проучавања). Т. 1. С. 6.